

силу в царствование Феодосия I? Впрочем, как отметил Нэтликс (стр. 54 и сл.), в Кодексе Феодосия (XVI, 10.3) сохранилось постановление императора Константа, охранявшее от христианских разрушений храмы за пределами римских городских стен.

Оставаясь великим понтификом, Константин соблюдал ряд языческих культов, вроде Непобедимого солнца или Гелиоса, строил языческие культовые здания и сохранял привилегии жрецов: так, закон от 29.XI 330 г. устанавливал привилегии иудейского жречества. Нэтликс (стр. 70) даже допускает, что в конце своего правления Константин покровительствовал язычникам. Как бы критически ни относиться к рассказу Зосима о крещении Константина, из него следует, что император, во всяком случае некоторое время, принимал участие в языческих празднествах и допускал гадания⁵.

Вторая проблема — определение тех постановлений, которые можно квалифицировать как христианские. К ним относятся указы, развивающие идею эдикта Галерия, например освобождение обращенных в рабство в период гонений (24.IV 314 г.) или запрещение принуждать христиан к жертвоприношению в языческих капищах (25.XII 323 г.). В них речь идет о том, чтобы обеспечить в отношении христиан терпимость. Далее, сюда следует отнести ряд податных привилегий христианскому клиру (17.VI 315 г., 21.X 319 г., 3.VII 321 г.), а также признание обряда отпуска на волю в церкви (8.VI 316 г., 18.IV 321 г.), признание воскресенья праздничным днем (3.III 321 г.) и судебных прав епископальной аудиенции (23.VI 318 г.). Наконец, был издан ряд указов против ересей (31.X 313 г., 1.IX 326 г., 25.IX 326 г.).

Большая группа законов Константина, включенных Иоанну в свой свод, не имеет, на мой взгляд, ничего специфически христианского: провозглашение справедливости и правосудия (13.V 314 г.), упрочение семейных связей, защита слабых и т. п. мероприятия (или политические формулы) применялись в разные времена независимо от вероисповедных убеждений: по этим критериям христианами были бы братья Гракхи и Катон Младший. Упрочение семейных связей, в частности, могло быть вызвано деспотическим вмешательством государства в частную жизнь — тенденция, восходящая не столько к апостолам Христа, сколько к Августу. Насколько она была «политической» и далекой от личного поведения Константина, свидетельствуют его суровые расправы в собственной семье: казнь сына и мужа сестры.

Наконец, в своде есть законы, явно противоречащие христианскому духу. Так, закон от 1.VIII 315 г. обрекал преступника на отдачу в гладиаторы (позднее гладиаторские игры были отменены Константином); отцеубийцу следовало карать по «древнему закону» — зашить в мешок со змеями и бросить в море (16.XI 318 г.), — так ли понимал Иоанну христианское милосердие? Закон о возвращении отпущенника в рабство за непочтение к патрону (13.IV 326 г.) никак нельзя причислить к «христианским», как и запрещение свободной женщине выходить за раба (1.IV 314 г.). Вряд ли христианскому духу соответствовало и отстранение незаконных детей от наследования (29.IV 336 г.).

Большую трудность для апологетов Константина создала его позиция в арианских спорах: в конце жизни император явно отошел от никейства, сослал Афанасия и принял крещение от епископа-арианина. Иоанну стремится смягчить впечатление от этих акций: «Несправедливо, — говорит он, — считать Константина арианом» (стр. 37; ср. стр. 39). Конечно, Константин не был арианом, но тем более он не был православным. Он был политиком, стремившимся к консолидации империи и оценившим удивительную силу упрямого меньшинства своих подданных в условиях всеобщего безразличия и апатии, но и не отказавшимся от поддержки языческого жречества. В вопросе о христианстве он был продолжателем Галерия — идею «Константинова переворота» создали Лактанций и Евсевий и закрепила византийская традиция.

А. К.

S. S z a d e c z k y - K a r d o s s. Ein Versuch zur Sammlung und chronologischen Anordnung der griechischen Quellen der Awarengeschichte nebst einer Auswahl von anderssprachigen Quellen. — «Acta Universitatis de Attila József nominatae. Acta antiqua et archaeologica», t. XVI: Opuscula byzantina, I. Szeged, 1972, 140 S.

Книга Ш. Садецки-Кардоша, выполненная при сотрудничестве Терезы Олайош, издана венгерским университетом в Сегеде как первый выпуск «Византийских исследований». Она распадается на две части. Первая — это свод византийских источников, упоминающих аваров или народы, связанные с ними. Сперва авторы предлагают условно-алфавитный список этих источников (сокращенные названия) с библиографическим полным указанием издания и отсылками к основным общим работам, как, например: «Byzantinoturcica» Д. Моравчика, «Kirche und theologische Literatur» Х. Г. Бека, «Извори за българската история», «Византијски извори за историју народа Југославије» и некоторые другие (стр. 9—24). По-видимому, следовало бы также

⁵ См. об этом пассаже: *F. Paschoud*. Zosime 2, 29 et la version païenne de la conversion de Constantin. — «Historia», 20, 1971.

дать отсылки и на книгу И. Караяннопулоса «Источники византийской истории»¹. Далее следует список тех же источников в хронологической последовательности (стр. 25—31); в свое время в рецензии на книгу Д. Моравчика² я как раз предлагал перейти в изданиях такого типа от условно-алфавитного принципа к хронологическому — Садецки-Кардош и Олайош пошли по среднему пути, сохранив структуру, аналогичную той, что лежит в основе труда Моравчика, но дополнив ее хронологически-последовательным списком. Сам список в их работе лишен пояснений — авторы даже не разделили использованные ими источники по векам; впрочем, во введении к списку дается обоснование некоторых датировок. Список охватывает византийских авторов от Приска (VI в.) до Константина Ласкаря (XV в.).

В приложении к 1-й части приведены: а) выборочный список латинских источников по истории аваров (стр. 33—47); б) некоторые восточные и славянские источники по той же теме (стр. 49—52). В обоих случаях имеются только условно-алфавитные списки.

Вторая часть книги — расположенные в хронологическом порядке сведения об аvaraх от 463 до 1303 г. (стр. 53—124). Авторы приводят дату события, кратко излагают его сущность и дают ссылки на источники и на основную литературу. Некоторые из этих сообщений не связаны с историей Византии и в византийских источниках не освещены, например победа аваров над Сигибертом (стр. 65 и сл.) и ряд других. Литература могла бы быть значительно расширена, в частности за счет русских работ. На стр. 127—140 помещены дополнения и поправки.

В целом книга Садецкого-Кардоша — справочник, облегчающий изучение истории аваров, ценный как для византиноведов, так и для тех, кто занимается прошлым нашей Родины.

T. Wasilewski. Bizancjum i Słowianie w IX wieku. Warszawa, 1972, 234 str.

Книга польского историка Т. Василевского посвящена политическим и культурным взаимосвязям Византии и южных славян в IX в. Важность проблемы, с одной стороны, и скудость уцелевших источников, с другой, приводят к тому, что многие стороны этих взаимосвязей остаются недостаточно ясными, а их оценка в литературе — противоречивой. Поэтому обзор истории отношений Византии с болгарами, сербами, хорватами и славянскими племенами, расселившимися на юге Балканского полуострова, основанный на изучении разноязычных и разнохарактерных памятников, равно как и обширной литературы, несомненно полезен не только для польского читателя.

Василевский начинает с предыстории отношений IX в.: гл. 1 посвящена вторжению славян на Балканы и началу византийской «реконкисты». Знаменитую фразу Константина Багрянородного («О фемах», II, 6.33), продолжающую вызывать споры¹, Василевский понимает как свидетельство славянизации Пелопоннеса (стр. 23). Странно, что до сих пор не привлекли должного внимания аналогичные строки Иоанна Геометра [Эллада стала варварской, сделалась страной варваров (PG, t. 106, col. 922 B)], которые прекрасно подтверждают наблюдения Константина VII.

Говоря о византийской «реконкисте», Василевский особо останавливается на так называемой *Notitia Isaurorum*, восходящей к notiции, составленной в 751—787 гг. (стр. 28 и сл.), и констатирует наличие ряда новых епископий во Фракии, осуществивших миссионерскую деятельность среди славян. Вместе с тем он отмечает наличие линии византийских крепостей на границе с Болгарией (стр. 47 и сл.). Впрочем, вторжение Крума уничтожило эту крепостную линию.

В трех главах Василевский рассматривает историю политических взаимоотношений Византии с Болгарией в первой половине IX в., уточняя конкретные факты этой истории. В частности, основываясь на «каменной хронике» из Шумена, Василевский считает, что хан Маламир около 830 г. занял Филиппополь (стр. 80 и сл.), а надпись из Сулейман-кёй рассматривает как договор Маламира (не Омортага) с византийцами, по которому Филиппополь остался в руках болгар (стр. 82—84); он датирует византийскую экспедицию против болгар при Михаиле III не 863—864 гг., как это обычно делают, а 855—856 гг. (стр. 110).

Две следующие главы посвящены очень спорным вопросам о крещении болгар и о миссии Кирилла и Мефодия в Моравию, причем Василевский специально останавливается на так называемой первой византийской миссии в Болгарию около 863 г., которая, по его мнению, была направлена Фотием (стр. 152—154). Василевский касается также проблемы становления славянской письменности: по его мнению, в Болгарии сперва пользовались греческим алфавитом для славянских текстов, затем в светский обиход была внедрена кириллица, тогда как глаголица употреблялась в бого-

¹ См. аннотацию: ВВ, 34, 1973, стр. 285—286.

² См. ВВ, XVI, 1959, стр. 274 и сл.

¹ См. в последнее время: J. Tsaras. Le verbe ἐσθλαζώδη chez Constantin Porphyrogénète. — «Cyrillometethodianum», I, 1971, p. 26—57.